

УДК 111

ТВОРЧЕСТВО НИЦШЕ И НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РЕНЕССАНСА

© В. Т. Фаритов

Фаритов Вячеслав Тависович

**профессор, доктор
философских наук, доцент**

**профессор кафедры
философии гуманитарных
факультетов**

**Ульяновский
государственный
технический университет
e-mail: vfar@mail.ru**

В предлагаемой статье осуществляется анализ элементов народно-смеховой культуры в «Так говорил Заратустра» Ф. Ницше. Опираясь на концептуальные разработки М. М. Бахтина, автор эксплицирует в философском мировоззрении Ницше такие феномены, как амбивалентный смех, шутство, карнавализация, гротескное тело. Особое внимание уделяется трансгрессивному характеру элементов народной культуры в тексте Ницше.

Ключевые слова: Ницше, Бахтин, народная культура, смех, шут, гротескное тело, карнавализация, трансгрессия.

Выявленные и проанализированные М. М. Бахтиным трансгрессивные по существу элементы народной смеховой культуры составляют определяющий момент философского мировоззрения Ф. Ницше. Стиль и содержание его философских текстов, разработанная им система образов имеют в качестве своего основного источника народно-смеховую культуру. В современном ницшеведении доминирует тенденция серьезного, академического подхода к изучению наследия философа. В данном направлении Ницше рассматривается как наследник традиции И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля: он поднимает проблемы бытия и мышления, истины и заблуждения и предлагает новые пути их философского осмысления. Такой подход следует признать совершенно закономерным, ибо работы Ницше действительно содержат варианты решения фундаментальных вопросов онтологии — в противном случае его

учение не смогло бы заслужить столь пристального внимания таких профессоров философии, как М. Хайдеггер и К. Ясперс, а также многих других. Однако данный момент не только не исчерпывает философию Ницше полностью, но даже не является ее основным содержанием. Подлинное, собственно ницшевское начало содержится в иной плоскости, корни которой следует искать в области народно-смеховой культуры.

В черновых записях 1883 года Ницше отмечает: «Сам Заратустра — шут, прыгающий через бедного канатоходца». И еще раз: «Шут Заратустра, как божественно говорил ты с последним человеком, который еще верит в бога»¹. («Zarathustra selber der Possenreißer, der über den armen Seiltänzer hinwegspringt»; «Du Schalksnarr Zarathustra, wie göttlich hast du zu dem letzten Menschen geredet, der noch an Gott glaubt!»)².

Исследование шутливости ипостаси ницшевской экзистенции и ницшевского письма нуждается в соответствующем методологическом и концептуальном горизонте. Такой горизонт представлен в работах М. М. Бахтина, признанного исследователя и философа народно-смеховой культуры. Используя разработки русского мыслителя, можно раскрыть содержание ницшевского философского мировоззрения в существенно новом аспекте.

Согласно М. Бахтину, смех представляет собой не частное явление психического порядка, но особую точку зрения на мир. Смех есть определенный способ бытия. Так, говоря о работе Л. Е. Пинского по проблеме комического у Рабле, Бахтин отмечает: «Его интересуют не внешние формальные приемы комического, а именно его источники в самом бытии, так сказать, комика самого бытия. Основным источником смеха он считает “движение самой жизни”, то есть становление, смену, веселую относительность бытия»³. Смех как онтологический феномен есть, таким образом, утверждение становления, временности и преобразуемости всего существующего. В противовес застывшей определенности готового бытия смех раскрывает вечную «неготовность», открытость существования. Смех осуществляет трансгрессию официального и серьезного, полагающего запреты и вызывающего страх — страх «перед всем освященным и запретным (“мана” и “табу”», перед властью божеской и человеческой, перед авторитарными заповедями и запретами, перед смертью и загробными воздаяниями, перед адом, перед всем, что страшнее земли»⁴. Смех есть не что иное, как трансгрессия⁵.

¹ *Ницше Ф.* Черновики и наброски 1882-1884 гг. // Полное собрание сочинений : в 13 томах. Т. 10 / Ф. Ницше. М. : Культурная революция, 2010. С. 449, 487.

² Nietzsche F. [16 = Z II 1a. Herbst 1883] // Digitale Kritische Gesamtausgabe Werke und Brief [Электронный ресурс]: Nietzsche Source. URL: <http://www.nietzschesource.org/#eKGWB/NF-1883,16>; Nietzsche F. [18 = N VI 7. Herbst 1883] // Digitale Kritische Gesamtausgabe Werke und Brief [Электронный ресурс]: Nietzsche Source. URL: <http://www.nietzschesource.org/#eKGWB/NF-1883,18>.

³ *Бахтин М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М. : Эксмо, 2015. С. 187.

⁴ Там же. С. 124.

⁵ См., например: *Кашианова С. М.* Трансгрессивная природа смеха // Научное мнение. 2014. № 1. С. 87—91.

Если теперь мы обратимся к Ницше, то обнаружим, что выявленные Бахтиным онтологические характеристики смеха представлены в философии Ницше не в меньшей степени, чем в творчестве Рабле. Смех как точка зрения на мир составляет основной мотив «Так говорил Заратустра». Вот первый, наиболее значимый в этом отношении фрагмент:

«Я хочу, чтобы вокруг меня были горные духи, ибо мужествен я. Мужество, которое отгоняет призраков, само создает себе горных духов, — мужество хочет смеяться.

Я уже не чувствую так, как вы: эта туча, что я вижу под собой, эта чернота и тяжесть, над которыми я смеюсь, — вот ваша грозовая туча.

Вы смотрите вверх, когда вы стремитесь возвыситься. А я смотрю вниз, ибо я возвышен.

Кто из вас может одновременно смеяться и быть возвышенным?

Кто поднимается на высочайшие горы, тот смеется над всякой трагедией сцены и жизни»⁶.

Первая функция смеха — победа над страхом перед мистическим, inferнальным, относящимся к загробному существованию. В официальной культуре Средних веков призраки и кобольды (*Kobolde*) должны были внушать ужас как представители потустороннего, загробного мира. Мужество переводит все это в разряд смешного: оно само нуждается в призраках — но в качестве повода для смеха, а не для трепета и страха. Истоки подобного перевода мистического и загробного в план смеха находятся, как показал Бахтин, в неофициальной народной культуре Средних веков, а также Античности.

Вторая функция смеха — освобождение от «черноты и тяжести» (*Schwärze und Schwere*) — также соответствует концептуальным разработкам Бахтина. Чернота и тяжесть характеризуют тот способ существования, который берет свои истоки в серьезной официальной культуре, построенной на принципах иерархического устройства бытия, вертикальной модели мироздания, исключая время, становление и относительность⁷. Всему этому схоластическому, религиозному и метафизическому порядку Ницше противопоставляет смех как радикально иную перспективу оценок и существования. Смех как трансгрессия противостоит метафизике трансценденции. Последняя требует серьезности, неизбежными спутниками которой являются чернота (монашеских одеяний, траура) и тяжесть. Трансгрессия, напротив, вскрывает «веселую относительность» всего существующего.

Третья функция смеха состоит в раскрытии амбивалентности существования, где верх и низ, низкое и возвышенное обнаруживают тенденцию к взаимопереходу, способность поменяться местами. Возвышенный смотрит не вверх, а вниз. Вся средневековая метафизическая иерархия опрокидывается этим тезисом. Тот, кто находится на вершине, не торжественно-серьезен, но весел, он смеется.

⁶ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Полное собрание сочинений : в 13 томах. Т. 4: Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / Ф. Ницше. М. : Культурная революция, 2007. С. 41.

⁷ Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. С. 519.

Наконец, последнее предложение рассматриваемого нами фрагмента подчеркивает универсальный, мировоззренческий характер смеха, на котором настаивает Бахтин: «*Wer auf den höchsten Bergen steigt, der lacht über alle Trauerspiele und Trauer-Ernste*»⁸.

Названные функции и аспекты смеха с еще большей силой проявляются в одном из центральных эпизодов «Так говорил Заратустра» — в повествовании о замке Смерти. Заратустра рассказывает ученикам сон, в котором он оказался в царстве самой Смерти. Сон заканчивается тем, что ветер распахивает ворота и бросает Заратустре черный гроб, из которого врывается «тысячеголосый хохот» («*tausendfältiges Gelächter*»):

«Поистине, подобно тысячеголосому детскому смеху, входит Заратустра во все склепы, смеясь над ночными и могильными сторожами и над теми, кто гремит ржавыми ключами.

Теперь детский смех всегда будет бить ключом из гробов; теперь всегда будет дуть могучий ветер, торжествующий над смертельной усталостью: в этом ты сам нам порука и предсказатель»⁹.

Смех здесь торжествует над самой смертью посредством утверждения вечно становящейся, рождающейся, растущей и выходящей за собственные пределы жизни. Детский смех (*Kindes-Lachen*) — это смех новой жизни, которая продолжается во времени, преодолевая смерть. И одновременно это смех играющего ребенка Гераклита, которому принадлежит власть над миром. Смехом побеждается мрачное и серьезное мировоззрение, полагающее в смерти конечную цель, высшую точку всего земного бытия. Наконец, соединение смеха со смертью является одним из наиболее характерных мотивов народно-смеховой культуры, а также карнавализованной художественной литературы, как это было показано Бахтиным. Смерти в данном случае не противопоставляется вечное существование в потустороннем мире трансценденции. Напротив, бессмертие утверждается во времени и становлении, а смерть становится неотъемлемым моментом самой жизни, которая постоянно обновляется, преодолевая себя.

Перечислим наиболее значимые места из «Так говорил Заратустра», в которых раскрывается универсальный мировоззренческий характер смеха. Смеется жизнь: «Насмешливо смеялась ты, когда я тебя называл непостижимой»¹⁰. Она осмеивает всякие притязания на постижение ее в каких-либо категориях, поскольку не признает завершенности и однозначной определенности: «Но я лишь изменчива и дика, и во всем я женщина, и притом недобродетельная»¹¹. Жизнь есть трансгрессия, и смех является ее неотъемлемым атрибутом.

Смеется пастух, откусивший голову змее, которая заползла ему в глотку. Это смех человека, который избавился от отвращения и ужаса, смех человека, который стал сверхчеловеком: «Ни пастуха, ни человека более — предо мной

⁸ Nietzsche, F. *Also sprach Zarathustra // Gesammelte Werke*. Köln: Anaconda Verlag GmbH, 2012. S. 389.

⁹ *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Полное собрание сочинений : в 13 томах. Т. 4. С. 142.

¹⁰ Там же. С. 112.

¹¹ Там же. С. 113.

стоял преображенный, просветленный, который *смеялся!* Никогда еще на земле не смеялся человек, как *он* смеялся! О братья мои, я слышал смех, который не был смехом человека, — и теперь пожирает меня жажда, тоска, которая никогда не стихнет»¹². Этим эпизодом завершается раздел «О видении и загадке», в котором возвещается идея вечного возвращения. Победенное отвращение — это отвращение перед временем и становлением. Вечное возвращение, утверждающее время и становление, учит человека новому смеху. Сверхчеловек — это смеющийся ребенок.

Смеются боги, причем этот смех приводит к их смерти. Поводом для смеха служит метафизический и теологический постулат о едином Боге: «И все боги смеялись тогда, качаясь на своих тронах, и восклицали: “Разве не в том божественность, что существуют боги, а не бог!”»¹³ Здесь мы снова встречаем соединение смеха со смертью, причем речь идет уже о богах. Ницше создает образ веселой смерти богов: «и поистине, у них был хороший, веселый божественный конец! (“und wahrlich, ein gutes fröhliches Götter-Ende hatten sie!”)». В данном эпизоде проявляется амбивалентный, гротескный характер смеха.¹⁴

В четвертой части появляется образ смеющегося льва: «высших, более сильных, победоносных, более веселых, таких, у которых прямоугольно построены тело и душа: *смеющиеся львы* должны прийти!»¹⁵ («lachende Löwen müssen kommen!»)¹⁶. Это также гротескный, оксюморонный образ, однако он обладает глубоким философским содержанием. Лев, который смеется, становится ребенком, то есть сверхчеловеком.

Приведенных примеров достаточно, чтобы показать, что смех не просто является основным мотивом «Так говорил Заратустра», но и обнаруживает родство с традициями народно-смеховой культуры, исследование основных черт которой осуществил Бахтин. Функции и смысл смеха у Ницше в общих чертах такие же, как в романе Рабле, как в других литературных и фольклорных источниках, составляющих неофициальную линию культуры Средних веков и Возрождения. Хотя у Ницше по сравнению с упомянутыми источниками смех в значительной степени редуцирован.

«Так говорил Заратустра» является глубоко карнавализованным произведением. Эта книга представляет один из наиболее ярких примеров карнавализованной литературы наряду с романами Рабле, Свифта и Достоевского. Укажем на некоторые наиболее значимые моменты, которые позволяют отнести книгу Ницше к разряду карнавализованной литературы.

В начале произведения Заратустра приходит на базарную площадь, где произносит речь о последнем человеке и о сверхчеловеке и становится свидетелем падения канатного плясуна. Весь этот эпизод носит подчеркнуто карнавальнй характер. Площадь — это специфическое пространство праздничных

¹² Там же. С. 164.

¹³ Там же. С. 187.

¹⁴ О веселой смерти у Бахтина см., например: *Бахтин М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. С. 529.

¹⁵ *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Полное собрание сочинений : в 13 томах. Т. 4. С. 285.

¹⁶ *Nietzsche F.* Also sprach Zarathustra. S. 587.

действий в эпоху Средних веков и Возрождения. Как отмечает Бахтин, «площадь была средоточием всего неофициального, она пользовалась как бы нравами “экстерриториальности” в мире официального порядка и официальной идеологии»¹⁷. Пространство площади сугубо трансгрессивно, поскольку здесь «создается та особая площадная атмосфера вольной и веселой игры, в которой высокое и низкое, священное и проданное уравниваются в своих правах»¹⁸. В этой площадной атмосфере Заратустра начинает свою проповедь: он учит о сверхчеловеке, а народ смеется над ним, после чего начинается выступление канатного плясуна. Таким образом, мы видим здесь характерное для карнавальных жанров сочетание глубоких философских идей с увеселительным праздничным действием. Само действие у Ницше имеет двойную значимость. Это элемент событийного ряда, занимающий свое место в структуре повествования, и одновременно — это символический образ, который истолковывается Заратустрой в рамках проповедуемой им идеи. Начавшееся выступление канатного плясуна сразу же переводится в идейно-образный план: «Человек — это канат, закрепленный между зверем и сверхчеловеком, — канат над пропастью»¹⁹. Здесь, на площади, происходит первое испытание идеи и ее носителя, а мудрец Заратустра невольно выступает в роли шута — посмешища, веселящего толпу. Аналогичные сцены присутствуют и у Рабле, и у Достоевского (например, эпизод неудачной попытки публичного покаяния Раскольникова на площади, вызвавшей смех прохожих; речи князя Мышкина в гостиных (аналог площади, согласно Бахтину), провоцирующие насмешки).

Другой, наиболее известный карнавальный эпизод из «Так говорил Заратустра» — это праздник осла. Согласно исследованию Бахтина, осел — один из наиболее распространенных образов народно-праздничной системы средневековья: «Служили особые “ослиные мессы”. До нас дошел официум такой мессы, составленной строгим церковником Пьером Корбейлем. Каждая часть мессы сопровождалась комическим ослиным криком — “Hinham!”. По окончании мессы священник, вместо обычного благословения, трижды кричал по-ослиному, и ему вместо “амен” трижды отвечали таким же криком. Но осел — один из древнейших символов материально-телесного низа, одновременно снижающего (умерщвляющего) и возрождающего»²⁰. Для целей нашего

¹⁷ Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. С. 201.

¹⁸ Там же. С. 210. На трансгрессивный характер площади указывает также Н. А. Балаклеец: «С образованием сферы публичного, прообразом которой в древнегреческой и древнеримской культурах были соответственно греческая агора и *forum Romanum* — площадь как политический, торговый и сакральный центр, — было создано пространство одновременного присутствия разнообразных точек зрения и перспектив» (Балаклеец Н. А. Социальное пространство как условие формирования российской идентичности : дис. ... канд. филос. наук. М. : МПГУ, 2010. С. 81–82).

¹⁹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Полное собрание сочинений : в 13 томах. Т. 4. С. 15.

²⁰ Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. С. 107. Достаточно подробный комментарий к «Празднику осла» у Ницше дал К. А. Свасьян (Свасьян К. А. Примечания // Сочинения. В двух томах: Т. 2. /

исследования значимо то обстоятельство, что Ницше в этом разделе возвращает к жизни уже ставшую забытой традицию народно-смеховой культуры. Здесь представлен один из важнейших элементов карнавального мироощущения — мотив увенчания-развенчания²¹. Данный мотив подчеркивает «веселую относительность» и амбивалентность любой установленной и канонизированной системы воззрения на мир, любого фиксированного, иерархического порядка.

В этой же, наиболее богатой карнавальными образами и мотивами четвертой части книги Ницше представлен образ шутовского короля. Эту роль исполняет самый безобразный человек: «а самый безобразный человек надел на себя корону и опоясался двумя красными поясами — ибо он любил, как все безобразные, приодеваться и прихорашиваться»²². Это яркий карнавальный образ. Ближе к концу книги — в соответствии с карнавальными традициями — этот шутовской король будет развенчан словами Заратустры, в которых он скажет «высшим людям», что ждал не их. «О, все вы, прониры и шуты! Что притворяетесь и скрываетесь вы предо мной!» — так обращается Заратустра к высшим людям после праздника осла²³. Все они оказываются шутами, участниками карнавального действия.

Не менее значимым элементом карнавальной традиции являются пиршественные образы и метафоры еды и питья, которыми переполнена книга Ницше. Пищевые метафоры у Ницше разнообразны и полны глубокого философского смысла. Это обстоятельство также роднит Ницше с Рабле и народной культурой средневековья и Ренессанса. Одной из значимых особенностей пищевых метафор «Так говорил Заратустра» является их направленность от идеального к материальному. Согласно Гегелю, метафоры наоборот «возникают благодаря тому, что слово, которое вначале означает лишь нечто совершенно чувственное, переносится на духовное»²⁴. У Ницше движение метафоризации имеет противоположную направленность: духовные, интеллектуальные феномены получают в его метафорах материально-телесное воплощение. Используя выражения Бахтина, они «отелесиваются», переводятся в «материально-телесный низ». Уже на первых страницах книги мы встречаем подобные метафоры: «Взгляни! Я пресытился своей мудростью, как пчела, собравшая слишком много меду, мне нужны руки, простерты ко мне»²⁵. Другой

Ф. Ницше. М. : Рипол классик, 1998. С. 790—792). Здесь уместно вспомнить, что в романе И. И. Лажечникова «Ледяной дом» есть эпизод, описывающий «родины козы». По своему значению данный эпизод близок «празднику осла» (см. об этом: *Балаклеец Н. А.* Онтологические аспекты монархической власти (на материале романа И. И. Лажечникова «Ледяной дом») // *Филология: научные исследования.* 2015. № 2. С. 145. DOI: 10.7256/2305-6177.2015.2.15475).

²¹ *Бахтин М.* Проблемы поэтики Достоевского. М. : Советская Россия, 1979. С. 143—144.

²² *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Полное собрание сочинений : в 13 томах. Т. 4. С. 281.

²³ Там же. С. 318.

²⁴ *Гегель Г. В. Ф.* Эстетика : в 2 т. Т. I. СПб. : Наука, 2007. С. 438.

²⁵ *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Полное собрание сочинений : в 13 томах. Т. 4. С. 11.

характерный пример этого рода: «Слишком долго сидела моя душа голодной за их столом; не приучился я, подобно им, к познанию, как к щелканью орехов»²⁶. Среди метафор, выражающих духовные состояния через акты еды и питья, встречаются совершенно оригинальные, как, например: «Из своих ядов сварил ты себе бальзам свой; ты доил корову — скорбь свою, — теперь ты пьешь сладкое молоко ее вымени»²⁷. Еще один весьма показательный пример: «Долго буду я пережевывать слова их, как хорошие зерна; и зубы мои должны непрерывно измельчать и дробить их, пока не потекут они в душу мою, как молоко!»²⁸ Слова здесь становятся зернами, а процесс осмысления — пережевыванием. Переработанный словесный материал становится молоком, свободно протекающим в душу.

Смысл подобных метафор (которых у Ницше очень много) заключается в устранении границ между духовным и телесным: мыслительные акты приближаются к телесным процессам потребления и переваривания пищи. Еда и познание — это акты, направленные на усвоение внешнего, перевод его во внутреннее. Интеллектуальные и духовные процессы представляют собой продолжение телесных.

Многие пиршественные образы у Ницше являются явными отсылками к Евангелиям и выполняют траверсирующую функцию. Например: «Хлеба? — возразил Заратустра, смеясь. — Как раз хлеба и не бывает у отшельников. Не хлебом единым жив человек, но и мясом хороших ягнят, а у меня их два: — пусть скорее заколют их и приправят шалфеем: так люблю я. Также нет недостатка в кореньях и плодах, годных даже для лакомок и гурманов; есть также орехи и другие загадки, чтобы пощелкать» («noch an Nüssen und andern Räthseln zum Knacken») ²⁹. Функция образов здесь также заключается в снижении, переводе высокого в материально-телесный низ. Помимо этого, обращает на себя внимание трансгрессивное колебание границ между ментальным и телесным, сакральным и профанным, возвышенным и бытовым. Весь приведенный фрагмент построен на нарушении границ между названными оппозициями. Такие слова, как хлеб, коренья, плоды и ягненок, помимо бытового имеют и сакральный смысл. В тексте актуализируются оба пласта, так что одни и те же слова становятся причастны сразу двум гетерогенным рядам. Орехи и загадки, наоборот, даны в одном ряду, как предметы, относящиеся к одной и той же сфере бытия. Глагол «пощелкать» относится одновременно и к орехам (данное слов здесь употребляется во вполне прямом смысле), и к загадкам. В итоге создается трансгрессивный образ орехов-загадок, где духовное и материальное находятся в состоянии незавершенного перехода друг в друга.

Данный фрагмент является частью раздела «Вечерняя трапеза», который представляет собой пародийное изображение тайной вечери: «Это и было началом той продолжительной беседы, которая названа “тайной вечерей” в

²⁶ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Полное собрание сочинений : в 13 томах. Т. 4. С. 131.

²⁷ Там же. С. 37.

²⁸ Там же. С. 265.

²⁹ Там же. С. 286.

исторических книгах. Но за нею не говорилось ни о чем другом, как только о высшем человеке»³⁰. Но пародией на Евангелия является и весь текст «Так говорил Заратустра»: на уровне стиля и тона повествования, системы образов, явных и скрытых цитат³¹. В этом плане книга Ницше занимает место в ряду пародийных евангелий, которые составляют целый пласт неофициальной литературы³². При этом, как показал Бахтин, сами Евангелия, а не только их пародии, являются карнавализованным литературным жанром³³.

Помимо приведенных выше примеров в «Так говорил Заратустра» много других элементов карнавализации. Сюда относятся сны и видения, посещение преисподней, элементы диатрибы, солилоквiums и симпозиона³⁴. Анализ этого материала мог бы составить целую книгу. Однако уже сказанного достаточно, чтобы обосновать тезис о принадлежности произведения Ницше к разряду карнавализованной литературы. Мы остановимся более подробно на двух характерных карнавальными темах: шутовства и гротескного тела.

Бахтин отмечает, что шуты и дураки являются неотъемлемым элементом праздничной, карнавальской жизни периода Средних веков и Возрождения³⁵. Шут, глупец представляет собой одну из наиболее трансгрессивных фигур. Глупость не является простым следствием недостатка интеллекта, но представляет собой определенную жизненную позицию, точку зрения на мир и способ бытия. Суть этого способа заключается в действенной трансгрессии всего официального, канонизированного и общепринятого: «Глупость — обратная мудрость, обратная правда. Это — изнанка и низ официальной, господствующей правды; глупость прежде всего проявляется в непонимании законов и условности официального мира и в уклонении от них»³⁶. У Ницше мы читаем: «Боль еще и радость, проклятие еще и благословение, ночь еще и солнце, — уходите или вы узнаете: мудрец еще и безумец»³⁷. («Schmerz ist auch eine Lust, Fluch ist auch ein Segen, Nacht ist auch eine Sonne, — geht davon oder ihr lernt: ein Weiser ist auch ein Narr») ³⁸. Это трансгрессивное, а не диалектическое сочетание противоположностей имеет чрезвычайную значимость в философском мировоззрении Ницше. Если Рабле противостоял хмурой серьезности, являвшейся наследием официальной культуры средневековья, то Ницше выступает против одностороннего

³⁰ Там же. С. 287.

³¹ См. в этой связи: *Слотердаик П.* Об исправлении Благой вести. Пятое евангелие Ницше [Электронный ресурс]: Фридрих Ницше – 6000 футов над уровнем человека. URL: <http://nietzsche.ru/look/xxc/etika/sloterdeik/>

³² *Бахтин М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. С. 116.

³³ *Бахтин М.* Проблемы поэтики Достоевского. С. 155–156.

³⁴ Там же. С. 138.

³⁵ *Бахтин М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. С. 16.

³⁶ Там же. С. 339.

³⁷ *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Полное собрание сочинений: В 13 томах. Т. 4. С. 326.

³⁸ *Nietzsche F.* Also sprach Zarathustra // *Gesammelte Werke.* Köln: Anaconda Verlag GmbH, 2012. S. 611.

рационализма Нового времени, против сократического стремления во всем найти разумное начало, все подчинить власти разума и рассудка. Сократ кладет начало этой традиции, заявляя, что добродетель есть знание. Гегель резюмирует эту тенденцию в своем хрестоматийном изречении: «Все разумное действительно, все действительное разумно». Ницше выходит за пределы данной парадигмы, заявляя: «ein Weiser ist auch ein Narr».

В этом противостоянии односторонней и ограниченной разумности Ницше, как и Рабле, не был одинок. Только в немецкой культуре существовал целый пласт «литературы дураков» («Narrenliteratur») ³⁹. Вспоминается, конечно же, и «Похвала глупости», а также ряд других источников, перечислять которые здесь нет необходимости (они приведены в работе Бахтина о Рабле). Ницше следует этой традиции не только в «Так говорил Заратустра», но и в других своих произведениях. Особенно ярко это шутовское начало воплотилось в «Веселой науке». Уже само заглавие носит оксюморонный характер: веселая наука — это почти то же самое, что глупая мудрость. Итальянский подзаголовок (*la gaya scienza*) недвусмысленно указывает на традиции средневековой провансальской культуры ⁴⁰. Поэзия трубадуров являлась элементом второго, неофициального пласта культуры Средних веков. Книга Ницше обрамлена двумя подборками стихов, общая тональность которых может быть охарактеризована как веселая, шутливая и насмешливо-ироничная. Подобное сочетание различных жанров в рамках одного произведения также является характерной чертой карнавализованной литературы. Лейтмотив стихов — освобождающая пляска, игра, полет, шутка и вольная глупость:

Welt-Rad, das rollende,
Streift Ziel auf Ziel:
Not — nennt der Grollende,
Der Narr nennt — Spiel...

Welt-Spiel, das herrische,
Mischt Sein und Schein: —
Das Ewig-Närrische
Mischt uns — hinein!... ⁴¹

В приведенном фрагменте шутовское начало приобретает космический и онтологический масштаб: Ewig-Närrische, вечно-дурацкое, смешивающее бытие и видимость (Sein und Schein), мировая игра (Welt-Spiel).

Наконец, немалое значение имеет и то обстоятельство, что весть о смерти Бога возвещает в «Веселой науке» безумный человек (*der tolle Mensch*).

Шут занимает значимое место в системе образов «Так говорил Заратустра». В начале книги на базарной площади появляется злой шут, который становится причиной гибели канатного плясуна. Этот же шут обращается ночью к Заратустре

³⁹ Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. С. 21.

⁴⁰ См. об этом в примечаниях к тому 3 ПСС: Ницше Ф. Веселая наука (*la gaya scienza*) // Полное собрание сочинений: В 13 томах. Т. 3: Утренняя заря. Мессиянские идиллии. Веселая наука / Ф. Ницше. М.: Культурная революция, 2014. С. 634–635.

⁴¹ Nietzsche F. Die fröhliche Wissenschaft. Köln: Anaconda Verlag GmbH, 2012. S. 305.

с предостережениями от добрых и праведных. В частности, он говорит Заратустре: «Счастье твое, что смеялись над тобою: и поистине, ты говорил, как шут»⁴². («Dein Glück war es, dass man über dich lachte: und wahrlich, du redetest gleich einem Possenreißer»)⁴³. Таким образом, на базарной площади было два шута: один вверху, шедший за канатным плясуном, другой — внизу, произносящий речи, которые вызывали смех у народа. С точки зрения публики выступление Заратустры было частью площадного увеселительного действия: его учение о сверхчеловеке они восприняли как пролог к выступлению канатного плясуна. Шут предстает здесь не только в качестве самостоятельного персонажа, но и в качестве второго лица или тени (в юнговском смысле) самого Заратустры.

В третьей части в разделе «О прохождении мимо» появляется другой шут, которого народ называл «обезьяной Заратустры». Его слова похожи на речи Заратустры, однако их внутренний смысл и мотивы оказываются сплошь гнилыми. Разоблачая этого шута, Заратустра делает значимое замечание: «Хрюканьем портишь ты мне мою хвалу шутовства»⁴⁴. («durch Grunzen verdirbst du mir noch mein Lob der Nartheit»)⁴⁵. Заратустра, таким образом, отнюдь не является противником шутовства. Он критикует лишь выродившееся шутовство, в котором присутствует голое и одностороннее отрицание, лишённое утверждения, ненависть, лишённая любви. Подлинное шутовство амбивалентно: отрицание в нем всегда сопряжено с утверждением, как это показал в своем исследовании Бахтин⁴⁶. Именно такое отрицающее и утверждающее, развенчивающее и обновляющее, уничтожающее и возрождающее шутовство является предметом похвалы Заратустры. И в таком смысле Заратустра сам выступает в роле шута, противостоящего официальной, тяжеловесно-серьезной правде.

В четвертой части в разделе «Песнь уныния» к этой шутовской самоидентификации добавляется мотив тоски:

Так я упал когда-то с высоты,
Где в сновиденьях правды я носился —
Весь полный ощущений дня и света,
Упал я навзничь в тьму вечерней тени,
Испепеленный правдою одною
И жаждущий единой этой правды. —
Ты помнишь ли еще, горячая душа,
Как мы тогда томилась этой жаждой,
Томилась тем, что ты в изгнанье вечном

⁴² Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Полное собрание сочинений: В 13 томах. Т. 4. С. 21.

⁴³ Nietzsche F. Also sprach Zarathustra // Gesammelte Werke. Köln: Anaconda Verlag GmbH, 2012. S. 373.

⁴⁴ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Полное собрание сочинений: В 13 томах. Т. 4. С. 183.

⁴⁵ Nietzsche F. Also sprach Zarathustra // Gesammelte Werke. Köln: Anaconda Verlag GmbH, 2012. S. 496.

⁴⁶ Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. С. 187.

От всякой правды далеко,
Лишь шут, поэт, и только⁴⁷.

Эту песнь исполняет старый чародей, который находится еще только на пути к перерождению и освобождению. Необходимость сбросить маску искателя истины и признать в себе шута и поэта вызывает у него страдания. Песнь старого чародея повествует об этапе становления самого Ницше: когда-то он сам ощущал себя «женихом истины» и когда-то сам упал с этой высоты и был вынужден с горечью сказать о себе самом: «Nur Narr! Nur Dichter!» Но за этим разочарованием к Ницше пришла новая дионисийская мудрость Заратустры, гласящая: «ein Weiser ist auch ein Narr». Границы между мудростью и глупостью становятся такими же зыбкими, как и границы между истиной и заблуждением: оба крайних термина начинают обнаруживать тенденцию к трансгрессивному переходу друг в друга.

Выявление параллелей между воззрениями Рабле и Ницше стало возможным благодаря исследованиям Бахтина. Его концептуальные разработки позволяют глубже понять философские идеи Ницше через раскрытие их укорененности в традициях народно-смеховой культуры. Кроме того, опираясь на открытия Бахтина, можно уточнить особенности поэтики «Так говорил Заратустра» — книги, в которой элементы народно-смеховой культуры получили наиболее полномасштабное выражение в творчестве Ницше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аверинцев С. С.* Бахтин, смех, христианская культура // М. М. Бахтин как философ. Москва : Институт философии РАН : Наука, 1992.
2. *Балаклеец Н. А.* Онтологические аспекты монархической власти (на материале романа И. И. Лажечникова «Ледяной дом») // Филология: научные исследования. 2015. № 2. DOI: 10.7256/2305-6177.2015.2.15475
3. *Балаклеец Н. А.* Социальное пространство как условие формирования российской идентичности : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Москва : МПГУ, 2010. 18 с.
4. *Балаклеец Н. А.* Тело, власть и трансгрессия: концепция органопроекции Э. Каппа и ее современные рецепции // Философия и культура. 2015. № 6. DOI: 10.7256/1999-2793.2015.6.15070.
5. *Бахтин М.* Проблемы поэтики Достоевского. Москва : Советская Россия, 1979. 320 с.
6. *Бахтин М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Москва : Эксмо, 2015. 640 с.
7. *Войцкая И.* Бахтин и Ницше // Фридрих Ницше и русская религиозная философия: Переводы, исследования, эссе философов «серебряного века». В 2 т. Т. 1. Минск, 1996.
8. *Гегель Г. В. Ф.* Эстетика : в 2 т. Т. I. Санкт-Петербург : Наука, 2007. 623 с.
9. *Делёз Ж.* Логика смысла. Москва : Академический проект, 2011. 472 с.
10. *Каиштанова С. М.* Трансгрессивная природа смеха // Научное мнение. 2014. № 1.

⁴⁷ *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Полное собрание сочинений : в 13 томах. Т. 4: Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / Ф. Ницше. М. : Культурная революция, 2007. С. 301–302.

11. Ницше Ф. Веселая наука (la gaya scienza) // Полное собрание сочинений : в 13 томах. Т. 3: Утренняя заря. Мессиянские идиллии. Веселая наука. Москва : Культурная революция, 2014.

12. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Полное собрание сочинений : в 13 томах. Т. 4: Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. Москва : Культурная революция, 2007. 432 с.

13. Ницше Ф. Так сказал Заратустра. Книга для чтения на немецком языке. Санкт-Петербург : КОРОНА принт : КАРО, 2004. 488 с.

14. Ницше Ф. Черновики и наброски 1885-1887 гг. // Полное собрание сочинений : в 13 томах. Т. 12. Москва : Культурная революция, 2005. 560 с.

15. Ницше Ф. Черновики и наброски 1887-1889 гг. // Полное собрание сочинений : в 13 томах. Т. 13. Москва : Культурная революция, 2006. 688 с.

16. Ойзерман Т. И. К характеристике философии Фридриха Ницше // Вопросы философии. 2011. № 4.

17. Подорога В. А. Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии: Сёрен Киркегор, Фридрих Ницше, Мартин Хайдеггер, Марсель Пруст, Франц Кафка. Москва : AdMarginem, 1995. 427 с.

18. Свасьян К. А. Примечания // Сочинения. В двух томах: Т. 2. / Ф. Ницше. Москва : Рипол классик, 1998.

19. Слотердайк П. Мыслитель на сцене. Материализм Ницше // Рождение трагедии / Ф. Ницше. Москва : Ad Marginem, 2001.

20. Слотердайк П. Об исправлении Благой вести. Пятое евангелие Ницше [Электронный ресурс]: Фридрих Ницше – 6000 футов над уровнем человека. URL: <http://nietzsche.ru/look/xxc/etika/sloterdeik/> (дата обращения: 25.05.2016).

21. Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль XX века. Санкт-Петербург : Мифрил, 1994. 346 с.

22. Фаритов В. Т. Трансгрессия и культура в «Рождении трагедии» Ф. Ницше // Культура и искусство. 2016. № 1. DOI: 10.7256/2222-1956.2016.1.16935.

23. Хайдеггер М. Ницше. Т. 1. Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2006. 604 с.

25. Хайдеггер М. Ницше. Т. 2. Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2007. 440 с.

26. Холлингдейл Р. Дж. Фридрих Ницше. Трагедия неприкаянной души. Москва : Центрполиграф, 2004. 383 с.

27. Ясперс К. Ницше. Введение в понимание его философствования. Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2004. 632 с.